

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

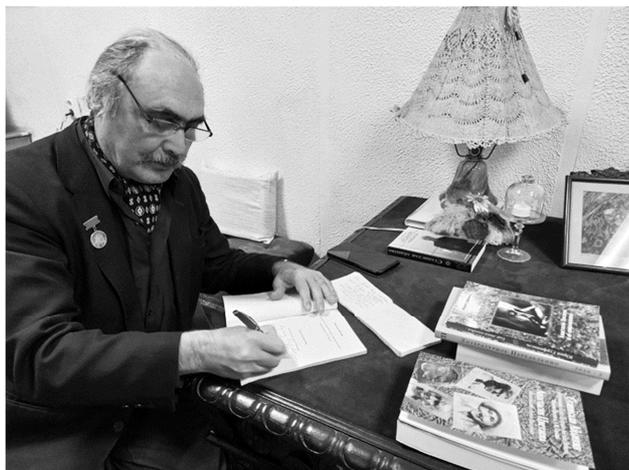
Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АЙДИНЯН С.А. «ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ПАСТЕРНАКЕ» АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ, МАРИНА ЦВЕТАЕВА, А.М. ГОРЬКИЙ; ЦВЕТАЕВА А.И. «ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ПАСТЕРНАКЕ». М.: Серебряные нити, 2022. 90 с.

Рецензия на книгу, в которой впервые опубликованы «Воспоминания о Борисе Пастернаке» А.И. Цветаевой, представленные С.А. Айдиняном. Воспоминания свидетельствуют об А.И. Цветаевой как блестящем мастере мемуарного жанра, ценны для понимания личности и творчества Б.Л. Пастернака, истории эпохи и ярчайших фигур времени.

А.И. Цветаева, «Воспоминания о Борисе Пастернаке», Б. Пастернак, М. Цветаева, А.М. Горький, С.А. Айдинян.

Станислав Артурович Айдинян (род. в 1958 г. в Москве) с 1984 по 1993 гг. был литературным редактором и секретарем Анастасии Ивановны Цветаевой (1894–1993). Позднее он стал составителем, автором вступительных статей к ее книгам. В рецензируемом издании Айдинян впервые опубликовал (по авторизованной машинописи) очерк А.И. Цветаевой «Воспоминания о Борисе Пастернаке», предварив его своим рассказом об истории написания; о взаимоотношениях Пастернака и Марины Цветаевой; о влюбленностях Пастернака (Ида Высоцкая, Елена Виноград) и его избранницах; о переписке Пастернака, Горького, А. Цветаевой; о возможности соотнесения трагической гибели М. Цветаевой и ее перевода из лясского поэта Ондры Лысогорского «Баллада о кривой хате».

О Пастернаке А.И. Цветаеву просили написать друзья, и она писала, дописывала, отдавала рукописный текст в машинопись, снова правила. С Айдиняном она делилась, что Борис «ей не дается»: «Как

трудно писать о Пастернаке: он как вода уходит из рук...» (с. 17; написание оставляю в соответствии с книгой). К тому времени уже были готовы мемуарные очерки о Павле Антокольском, Иване Рукавишникове, Пантелеймоне Романове, Аделаиде и Евгении Герцык, Мариэтте Шагинян, Ольге Руновой-Мещерской. Опубликованные в данной книге воспоминания А.И. Цветаева начала в Коктебеле, в Доме творчества Литфонда, в предотъездную ночь на 22 октября 1983 г., продолжила в поезде Феодосия – Москва. Она «только что переболела пневмонией» (с. 65), и, судя по качеству повествования, писалось великолепно. Ремарки в начале рассказа позволяют нам следить за процессом:

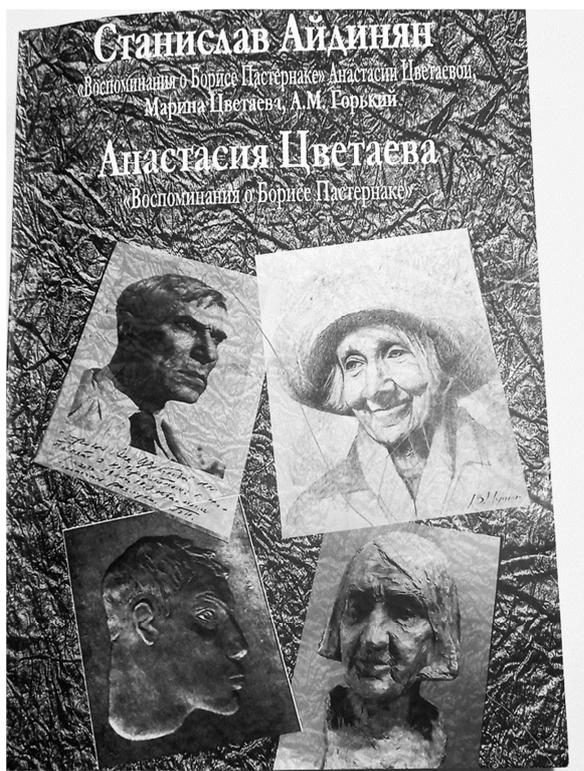
8 утра, тихо. Увы, зазвенел будильник!.. Но спутницу не разбудил. Продолжу. Хоть немного еще. Точнее – прерву то, начну другое (с. 66).

...Проехали Курск. До Москвы больше, чем восемь часов. Осень. Рано темнеет. Надо успеть хоть как-нибудь закончить, когда зажгут свет (неужели я все по-старому думаю – «зажгут» памятью, что свет – свечи и керосиновые лампы зажигали), когда он зажжется, будет уже близиться Москва, начнут собирать разложенные вещи... Надо, пока можно, собрать себя (с. 69).

Мы имеем дело с эссеистическими воспоминаниями, и Цветаева акцентирует «мое чувство»: «Я пишу воспоминания о Борисе. И о моем чувстве видеть его в третий раз в новом для меня окружении» (с. 83). В этом плане любопытно сначала прочесть именно Цветаеву, а затем – Айдиняна, чтобы осознать, что и (предположительно) почему из рассказанного ему и другим Анастасия Ивановна оставила за текстом данных воспоминаний.

Как свидетельствует автор, впервые о Пастернаке она услышала от Марины в 1921 г. Встретились,

когда Анастасии было 29, Пастернаку – 33. Она испытала восхищение, и его образ с тех был «прочен»: ей «уже хотелось его водворить на страницу» (с. 65). Они много общались в 1920-е, когда Пастернак жил близ Музея изящных искусств, где Анастасия работала в библиотеке музея. Арест Цветаевой в 1937 г. прервал общение, но не дружбу, не помощь Пастернака. Последний раз увиделись 29 июня 1959 г. в Москве. Анастасии Ивановне было 65. В следующий раз она приедет в Переделкино 31 мая 1960 г. – проститься (Пастернак умер 30 мая).

Ассоциативный образ ярок и экспрессивен:

В комнату вбегают собака, – скажем, ирландский сеттер. Свободный, счастливый бег теплого радостного существа. Вмиг ко всем – всех – кого ткнуть носом, кого в нос лизнуть, доброй пастью затронуть, одного, другого – обнюхать, всех вместе – учуяв и полюбив в сумасшедшей собачьей спешке... Так входил в те дни (60 лет назад) в помещенье, где люди – Борис. Всех вмиг восприняв, каждому радуясь, одного обняв, другому кивнув, третьему сжав руку, смеясь, продвигался по комнате. И как же было людям от Бориса оглушительно ново, качественно различно от того, что было в комнате до них – до собаки и до человека...

И, сразу, от предельно вольного «с размаху» собаки и человека вбегания – входа в комнату – в захлеб застенчивости как у собаки – отвод морды от взгляда, в Борисе – отвод глаз, в миг замучась собственной простотой – о непростоту всех (с. 65–66).

А.И. Цветаева знала близких Борису Леонидовичу и запечатлела свои ощущения от каждой из его избранниц. Начиная рассказ о первой жене Пастернака Евгении Лурье, автор отмечает, что тема эта нелегкая:

Знала ли я тогда, что она была художница, ученица, говорили, Фалька? В их доме я не видела ее кар-

тин, ни кистей, ни мольберта. О живописи бесед не помню.

Сама Женя напоминала натуру Росетти, может быть и Боттичелли – довольно узкое личико, грациозной линией очерченное, переходившее в густоту, в темную гущу сверху аккуратно зачесанных от ушей к вискам волос, волнистую и в полном порядке живую, венчавшую личико ее чуть надменной короной, но не хочется так сказать, потому что это слово банально, а в Жене не было ни тени банальности, она вся была грациозно изысканна, не похожа ни на одну голову женскую из окружающих. Но и упорядоченно-строг, прихотлив был абрис этой головки и в густоте, поднятой над ушами и лбом, таилось своеволие, превосходство и – реющая тоска (с. 69).

Анастасия Ивановна дает подробное описание «таинственности этой души» (с. 69), ибо с первой семьей Пастернака она была связана много лет.

У Пастернака и Зинаиды Нейгауз она бывала реже и только до 1937 г. (до ареста). Запечатленное в воспоминаниях ощущение – счастье:

И я была счастлива за Бориса. В его жизнь вошло то, что могло только стихами излиться. Мы знаем эти стихи. В них такое отдохновение, такой восторг обладания, такое упоение другим существом, такое в нем растворение в этой зрелой женственности, все собою гасившей в этом зное возраста, властной победности каждого мига зининого дыхания, – а что делать с дыханием? Только вдохнуть его, удвоив свое, теряя и потеряв рассужденье. Что думать о добре и зле, когда ты счастлив, когда получаемое превосходит далеко ожидаемое, когда ты внутри шара, и нет из него окон на мир, на – «вещь в себе», – которой вокруг все подвластно... – вот что встретило меня на пороге в стоящей на нем Зине, улыбнувшейся мне как Кассандра, протянувшей мне руку – и я переступила этот новый Борисов порог... (с. 73).

22 года лагеря, ссылки они не виделись. В 1958 г. А.И. Цветаева (она жила тогда в Павлодаре у сына) получила письмо от Пастернака с упоминанием о той, кому он, по его словам, «бесконечно многим обязан в течение пятнадцати лет» (с. 74). Там у нее, Ольги Всеволодовны Ивинской, они и встретились в Москве 29 июня 1959 г. (кроме них были Ариадна Эфрон, внучка Анастасии Маргарита Трухачева, приглашенная Анастасией Юдифь Каган и дочь Ольги Ирина):

Во все глаза смотрела я на Бориса и его подругу, помня его первую и вторую жену, его – с ними. Совсем другая картина была тут: не томление первого брака, не восторг второго – внезапно пережившей судьбы, не прелесть девичества первой и не зной красоты – второй. Тут мы, приехавшие в этот его третий, такой долгий брак, заглянули в этот вечер моей встречи с ним – в нечто совсем иное: в давнее тесное общение жизней этих двух людей, знающих друг друга досконально. Тут была многолетняя срочность (о которой он и писал мне за год до того), ч е л о в е ч е с к а я близость их (с. 81).

Осуждать Ивинскую Цветаева, умудренная свидетельница 89 лет от роду, не хотела:

Мне думается, что каждый из нас должен бы, оценивая подобное, прежде всего внимательней отнестись к себе самому – так ли все в нем, как долж-

но... Меньше нужно заниматься разбором жизни других, их осуждая (с. 83).

Она, так много пережившая, воспринимала все происходившее с бесконечно терпением и пониманием:

Я думаю, что жизнь Пастернака была мучением с утра до ночи, год за годом, с рождения по смерть. Непрестанные приливы его сил, их каскады. Его радостное, радующееся, восхищенное, восхищающее существо, и, одновременно, – сумеречность ежечасных мук несдающегося понимания, что ты вполне одинок. Каскадами, как сказано, его любовь к каждому, его счастье общения, гениальная близость к человеку, упоение касания к сердцу, к душе, к мысли – разбивание себя о даль самого близкого, о вековечное свое одиночество. И все поглощала стопудовая его задумчивость надо всем внутри и вокруг. И еще – быть поэтом! И еще сыном, братом, мужем, отцом, другом стольких! (с. 66).

В статье Айдинян предоставляет ценные сведения из рассказанного ему Анастасией Ивановной – дорисовывает контекст происходившего. Любопытно наблюдать (и важно понимать), что осталось фоном – не вошло в данные воспоминания. Мы узнаем, например, о послании Пастернака в лагерь своего перевода шекспировского «Гамлета». А.И. Цветаева тогда «просмотрела на точность весь перевод» и, думается, во многом предварила замечания Пастернаку М.М. Морозова:

Где-то у меня даже есть эта книга. Она вся испещрена пометками, обозначающими места, которые Пастернак перепел неточно. Я ему об этом написала и все замеченное в письме перечислила. Он ответил, что не стремился к абсолютной точности перевода, а хотел передать эпоху... Он прекрасно знал языки, но давал себе, как поэту, волю... (с. 6).

Сама А.И. Цветаева в 1937 г. задумала перевести на английский язык книгу стихов Лермонтова 1841 г. Перевела три стихотворения – потом был арест, лагерь, «кошмар кухонной работы – головой вниз, в котел (я мыла котлы), рука у меня правая не разгибалась, висела...» (с. 7).

Цветаева запечатлела свое отношение к «Доктору Живаго» («Борис, у вас по страницам ходят бледные

тени и говорят вашими словами!») и – «огорчение» Пастернака (с. 74); собственное ощущение, что никогда уже не сможет писать, и его ответ – «письмо утешенья – о том, что такое, по его опыту, процесс творчества...» (с. 74). Сбылось его предсказание, что «в своем наедине с собой творчество продолжится...». У сына в Павлодаре весной 1957 г. она начала первый том «Воспоминаний», «точно в первый раз взяв перо»:

Перо следует внутреннему приказу, а приказ идет из тех сфер, где способностям человека сопутствует чье-то доброжелательство, если только нет в человеке самоувлечения, (если самоувлеченность есть, тогда человек пропадает все глубже с каждой строкой) (с. 75).

Прочитав начатое, Пастернак «читал и плакал», и в письме от 22 сентября 1958 г. восклицал: «Ася, душечка, браво, браво!», просил «писать так дальше»: «Каким языком сердца все это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней!» (с. 75).

Рассказал Айдинян и о предыстории тяжелой для А.И. Цветаевой темы, поднятой в заключительной части воспоминаний и касающейся Горького, Пастернака, ее и Марины: «...правда требует нелицеприятия. Мой долг рассказать – как было» (с. 86). Три страницы текста Анастасии Ивановны – восемнадцать страниц углубления в соответствующие проблемы Айдиняна. От него мы узнаем об обстоятельствах поездки А.И. Цветаевой и Бориса Зубакина в Сорренто к Горькому в 1927 г.; о раздражении Горького, сменившем его очарование Зубакиным; об увлеченности Горького А.И. Цветаевой и – разочаровании; о переписке и подводных течениях тех непростых отношений с Горьким и Пастернаком, о которых с такой болью, беря вину на себя, писала Анастасия Ивановна.

Искренняя благодарность С.А. Айдиняну за сохранение памяти. Приехав в Вологду в ноябре 2022 г., он великолепно рассказывал собравшимся в литературной резиденции «Дом дяди Гиляя» о том, что видел и знал. «Воспоминания о Борисе Пастернаке» свидетельствуют об А.И. Цветаевой как блестящем мастере мемуарного жанра.

L.V. Egorova

BOOK REVIEW: AYDINYAN S.A. «MEMORIES OF BORIS PASTERNAK» BY ANASTASIA TSVETAEVA; MARINA TSVETAEVA, A.M. GORKY; TSVETAEVA A.I. «MEMORIES OF BORIS PASTERNAK». Moscow, 2022. 90 p.

The reviewer discusses the first publication of «Memories of Boris Pasternak» by Anastasia Tsvetaeva, presented by Stanislav Aydinian. The memoirs are valuable for understanding the personality and works of Boris Pasternak, the history of the epoch and the brightest literary figures of the time. «Memories» show Anastasia Tsvetaeva as a brilliant master of the memoir genre.

Anastasia Tsvetaeva, «Memories of Boris Pasternak», Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, Alexey Gorky, Stanislav Aydinian.